

Сэл вздохнул, усталость пробиравала его до костей. — Подожди здесь, Ана, — бросил он сыну, — Я разберусь с этим. — Но... — начал Анастасий, но его отец уже прервал его. — Никаких "но", Анастасий, — спокойно сказал Сэл, — Пока я тебя кормлю, ты делаешь то, что я тебе говорю, понял? Мальчик уставился на него, в глазах бушевала подростковая непокорность. Но, в конце концов, кивнул. Сэл потер лоб, стараясь отмахнуться от нарастающей головной боли. Он спрятал свои вещи под кустом, укрыл за ним Анастасию и вышел на поляну, где разворачивалась битва. Левая рука потянулась к одному из гоблинских кинжалов, правая крепче сжала посох. — Не кажется ли вам, что такой бой немного нечестен? — холодно спросил он, обращаясь к волшебникам. Его взгляд был ледяным, пронзительным. — Не беспокойся, чужеземец, — ответил один из колдунов с тягучим, едва различимым акцентом. Сэл хмыкнул. Язык, похоже, снова претерпел изменения. Еще один язык, который нужно было обновлять... — Я буду вынужден беспокоиться, когда ты будешь так обращаться с другими разумными существами, — парировал Сэл, подражая речи колдунов. — Похоже, ты пропустил сообщение, — фыркнул другой. — Собрание Владык решило, что они не такие, как мы. Мы превосходим их — мы имеем право обращаться с ними, как хотим! — Ну... если это так, — сказал Сэл, скрывая свой гнев за сарказмом, — Тогда я тоже буду обращаться с низшими существами, как захочу. Он не стал возиться с заклинаниями, просто начертил на земле четыре символа: две норвежские руны, египетский иероглиф и символ майя. Послал их в сторону колдунов. Те не поняли, что их поразило. В одно мгновение они еще дразнили гоблинов, а в другое уже висели в воздухе, связанные с деревьями леса. Сэл оглядел их, его глаза полыхали смертоносным холодом. — Думаю, мне нравится обращаться с такими низшими существами, как вы, как я хочу, — холодно произнес он. Колдуны уставились на него с недоверием. — Что... что ты делаешь?! — пролепетал один из них. — Не мы низшие существа, а они! Он попытался указать на гоблинов, но дерево, за которым он прятался, помешало ему. — О — вы не такие? — ласково спросил Сэл. — Я думал, вы уступаете мне — вы не лорды, и как таковые вы должны уступать мне. Не то чтобы лорд не уступал ему, ведь он, в конце концов, был сыном Артура Пендрагона... Но Сэл пытался донести не это. Он просто уставился на колдунов, и те вздрогнули под его смертоносным зеленым взглядом. — Конечно, если я тот, кто я есть, то даже простой лорд ниже меня. Сэл решил добавить эту фразу, просто потому что мог. — Поэтому — пожалуйста, передайте своим лордам, что Старая Линия отказывается работать с ними. Эмрис передает вам привет. И с этими словами он повернулся к гоблинам. — Братья по клану! Кто-нибудь ранен? — спросил он на их языке. Гоблины переглянулись, один из них сделал шаг к нему, все еще держа оружие наготове. — Что тебя беспокоит, чужеземец? — спросил он, тоже с подчеркнутым гобблдегуком. Сэл вздохнул, добавляя в свой список еще один язык для обновления. — Я целитель, поэтому это касается меня, — ответил он, используя традицию гоблинов отвечать за свои действия. — Но ты также и колдун, — заметил гoblin. — У их целителей нет такого кодекса, как у гоблинов. Сэл знал, что гoblin обычно прав, но он никогда не был обычным. — Я не простой колдун. Я — друг гоблинов, брат по клану, — ответил он. — Я сражался с гоблинами пятьсот лет назад. Я едва не отдал свою жизнь, чтобы спасти вашего вождя. Я не лишен чести, как те, кого вы называете колдунами. — Так ты называешь их иначе? — спросил гoblin, все еще держа оружие в смертельной хватке. — Я не родился колдуном, — правдиво ответил Сэл. — Мой отец был друидом, уроженцем Фирболга. Моя мать была одной из Старых. Я не могу называть себя колдуном с таким наследием. Я называю себя рожденным в Фирболге. Сэл надеялся, что его ответа будет достаточно. Он не был уверен, что магические существа все еще называют себя "Фирболг", но это был термин, который он выучил, и он не собирался менять свое имя, пока мог его использовать. — Есть ли у тебя имя, чужеземец? — спросил гoblin, и Сэл с облегчением вздохнул. То, что его спросили об имени, означало, что гoblin считает его слова правдой. — Я Сальвазсахар Эмрис, — ответил он, затем повернулся и подмигнул своему сыну. — Это мой приемный ребенок, Анастасий Сангинис. У меня тоже есть гоблинское имя. Твой вождь назвал меня Морганаадт. Теперь все гоблины, которые до этого смотрели на его сына, открыто уставились на него, с надеждой и неверием в глазах. — Как звали вождя,

который дал тебе имя, и что подарил тебе его сын, когда ты ушел? — спросил гоблин, в его голосе напряжение смешивалось с надеждой. — Его звали Грингуд, — ответил Сэл. — Его сын Вейланд подарил мне хранилище в вашем банке и вот это. С этими словами он вытащил один из своих кинжалов и показал его, острое по-прежнему указывало на землю. Говорящий гоблин протянул руку, и Сэл отдал ему свой кинжал. Опытные глаза оглядели тонкий, короткий клинок, скрывавшийся в самовоспроизводящихся тенях. Рука гоблина ласкала лезвие и имя на нем. Затем он вернул клинок. — Я благодарю тебя, Морганаадт, — наконец произнес он. — Я — Рагнук Рагнаадт Вайландадт Грингудадт. Это мой дед подарил тебе этот клинок. Теперь я вождь кланов. Это моя семья: мои братья, сестра, жены и дети моих братьев. Я приветствую тебя в кланах и, как брат по клану, прошу тебя помочь нам. — Я благодарю тебя, Рагнук, — ответил Сэл и слегка поклонился. Затем он внимательно осмотрел остальных гоблинов. — Итак... кто-нибудь ранен? — снова спросил Сэл. — Мой сын, — ответил говоривший. — Но боюсь, ты не сможешь ему помочь. Его раны слишком глубоки. — Позволь мне решать, — ответил Сэл. Остальные гоблины обменялись взглядами, затем они открыли ему дорогу к ребенку, которого защищали все остальные. Он лежал на земле, кровь сочилась из глубокой раны в животе. Сэл мог ясно видеть, что органы внутри тоже были пробиты. Этого не смог бы вылечить ни один маг-целитель. Даже один из гоблинов сдался бы при таких ранах. Но Сэл не был ни тем, ни другим. У него были сотни лет опыта. Он не был уверен, что сможет исцелить мальчика, но был уверен, что если кто-то может, то он. — Это будет трудно, но, возможно, я смогу исцелить его, — наконец сказал он, собирая свой рюкзак и даже не поднимая глаз от смертельно раненного мальчика. — Я не могу ничего обещать, — сказал он, — но позвольте мне попытаться. В глазах гоблина вспыхнула слабая надежда. Человек, невысокий, но с широкими плечами, посмотрел на своего сына, который неловко топтался на краю поляны. — Сын, возьми вещи Сала, — бросил он, не отрывая взгляда от гоблина. Мальчик послушно подошел к Салу, а тот, уловив в его взгляде спокойствие и уверенность, перевел взгляд обратно на человека.